

БИТВА БИТВА ЗА ЛЮБОВЬ

АЛЕКС Х.

Алекс Х

Битва за любовь

<https://litres.ru/74461118>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ева — демон, обязанная заманивать людей в ряды своих сородичей. Её цель — Лео: шаг за шагом она ведёт его во тьму, и вскоре он становится одним из них. Но за Евой неотступно следит охотник — он знает её тайну и не намерен отступить.

В прошлом — горький разрыв с Киром: она бросила его не только изза запрета на союз демона и человека, но и изза предательства. Кир до сих пор тоскует по ней. Рядом — Джину, друг детства и демон: он любит Еву, но для неё остаётся словно старшим братом.

Грань между долгом и желанием стирается: Лео всё глубже погружается во тьму, тень охотника сгущается, а старые раны не дают забыть о прошлом. Какую цену придётся заплатить за каждый выбор — и удастся ли Еве сохранить то, что ещё можно спасти?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алекс Х

Битва за любовь

Глава 1

Ева танцевала, растворяясь в ритме музыки. В стороне кучковались парни и девчонки: кто-то сжимал в руках бокалы, кто-то — чупа-чупсы и прочие сладости. Её движения были плавными — она покачивалась в такт, чуть покачивая бёдрами, будто сама становилась частью мелодии, тягучей и немного дерзкой. Свет стробоскопа ложился на её платье неровными вспышками, превращая ткань то в серебристую рябь, то в тёмную тень, а потом снова выхватывая из полумрака.

Воздух был густым от запаха парфюма, сладких газировок и чего-то терпкого, почти пряного — кажется, кто-то разлил на танцполе ликёр. Музыка пульсировала в груди, отдаваясь в висках, и на мгновение Ева забыла обо всём: о ссоре с Киром, о тяжёлых словах, о том, как неприятно сжималось сердце от его взгляда. Но вдруг по спине пробежали мурашки: казалось, чей-то взгляд, колючий и пронзительный, скользил по её фигуре, спускаясь к ногам и вновь поднимаясь вверх, будто пытался разгадать её, прочесть, как открытую книгу.

Обернувшись, Ева увидела его. Лео. Под рубашкой с закатанными рукавами перекачивались мышцы, в руке он держал бокал с рубиновым вином — жидкость внутри едва покачивалась, не проливаясь, будто подчинялась его воле. Глаза цвета молочного шоколада смотрели отстранённо, почти равнодушно, но в этом равнодушии чувствовалась сила — такая, что невольно хотелось отвести взгляд. Угольные волосы лежали в нарочитом беспорядке — идеальный хаос, будто он специально провёл по ним рукой, чтобы выглядеть небрежно, но при этом безупречно. Король тусовок, недоступный и холодный, мечта каждой девушки... и при этом будто равнодушный ко всему миру, словно всё происходящее было для него не более чем декорацией.

К нему со смехом подлетели девчонки и мгновенно окружили, защебетав, флиртуя, стараясь поймать его взгляд, будто хотели растопить этот лёд одним своим присутствием. Кто-то коснулся его рукава, кто-то что-то звонко проговорил, но Лео едва заметно качнул головой, и в этом движении читалось тихое, но твёрдое «нет». Ева усмехнулась. Зря стараются. Это всё равно что пытаться растопить лёд улыбкой — он лишь станет прозрачнее, но не исчезнет.

Рядом хихикнула Аля. Она слегка покачивалась — ноги её едва держали, а в глазах плясали разноцветные блики от света. Её смех звучал немного нервно, будто она сама не до конца понимала, почему смеётся.

— Он ничего такой. Только, кажется, ему на всё совер-

шенно плевать, — пробормотала подруга, слегка щурясь, будто пыталась разглядеть в Лео что-то, чего не видели другие.

— Тебе не кажется, — коротко бросила Ева, бросив на Алю быстрый взгляд. В нём было и беспокойство, и лёгкая усталость — будто она уже тысячу раз видела эту картину и знала, чем всё закончится.

— Пора уходить, — добавила она твёрже, чем хотела, и голос её прозвучал чуть резче из-за нарастающего напряжения.

Она подхватила подругу под руку и повела к гардеробной. Толпа расступалась перед ней почти неосознанно — кто-то отходил в сторону, кто-то просто не решался столкнуться с её решительным шагом. Там, у тяжёлой бархатной шторы, отделявшей гардеробную от зала, их уже поджидал темноволосый парень — Кир. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел куда-то в пол, будто надеялся, что его не заметят. Но Ева метнула в него презрительный взгляд — острый, как лезвие, и он замер, глядя виновато и неловко, пока она подводиала Алю к лавке и усаживала её.

Девушка резко обернулась к парню:

— Кир, если тебе есть что сказать — говори. Если нет — уходи, не стой над душой.

Тот замялся, переминаясь с ноги на ногу. Его плечи слегка ссутулились, будто он пытался стать меньше, незаметнее, но это только подчёркивало его растерянность. Ева раздра-

жённо дёрнула плечом и устало выдохнула, проводя ладонью по волосам, сбивая с них прилипшую прядь. В этот момент она чувствовала себя старше своих лет — будто на неё свалилась тяжесть, которую никто не просил нести.

— Мы... можем начать всё сначала? Как будто мы вообще не знакомы? — неуверенно выдавил Кир. Голос его звучал непривычно тихо, почти беззащитно, и на секунду Еве даже стало его жаль. Но жалость тут же растворилась в горечи.

Ева пожала плечами:

— Попробуй.

— Ммм... Привет. Меня зовут Кир, а тебя?

— Не знакомлюсь, — отрезала она, надевая ботинок на ногу Али. Её пальцы двигались быстро, почти механически, будто она делала это не думая. Схватив второй ботинок, Ева бросила на Кира короткий ледяной взгляд.

— Что, непонятно сказала?

Парень вспыхнул, в его глазах мелькнули обида и злость — смесь, которая всегда пугала Еву, потому что она знала: за ней часто следует что-то резкое, необдуманное.

— Ты ещё пожалеешь об этом! — выпалил он, голос его дрогнул от напряжения.

— Что ж, попробуй удивить, если сможешь, — холодно хмыкнула Ева.

В тот же миг Кир схватил её за запястье, крепко сжав пальцы. Ева прикусила губу от резкой боли и рванулась, пытаясь вырваться, но хватка была железной, безжалостной, и

на мгновение мир сузился до этой боли и его горящих глаз.

— Ты спятил?! Отпусти меня! Какого чёрта?! — выкрикнула она, и её голос прорвался сквозь музыку, на секунду заглушив её.

Рядом раздался низкий, спокойный голос, в котором, однако, чувствовалась сталь:

— Эй, парень! Отпусти, тебе сказали.

Чья-то твёрдая рука схватила Кира за плечо. Тот неохотно разжал пальцы. Ева тут же потёрла покрасневшее запястье, чувствуя, как по коже бегут мурашки — не от холода, а от шока и гнева.

Лео шагнул вперёд, схватил Кира за ворот рубашки и впечатал в стену, уперев локоть ему в грудь. Движение было быстрым, отточенным, будто он делал это не впервые.

— Какого чёрта ты трогаешь девушку?! — прорычал он, едва сдерживая ярость. В его голосе звучала не просто злость — в нём была угроза, тихая и оттого ещё более пугающая.

— Не твоё дело! — прохрипел Кир, тщетно пытаясь вернуться. Но хватка Лео была железной, и парень понял, что сопротивляться бесполезно.

Лео наклонился, почти касаясь лица парня, и что-то тихо прошептал ему на ухо. Слова были слишком тихими, чтобы их услышала Ева, но по тому, как побледнел Кир, как судорожно он кивнул, было ясно: сказанное подействовало. Как только Лео отпустил его, Кир метнулся прочь, растворяясь в толпе, будто боялся оглянуться.

— Он больше тебя не тронет, — спокойно произнёс Лео, будто ничего особенного не произошло, и уже хотел развернуться, чтобы уйти, вернуться в свою привычную тень, где его никто не тревожил.

Но Ева опередила его:

— Я не просила тебя помогать. Сама бы разобралась.

Лео холодно усмехнулся:

— Сама? Он парень, он сильнее тебя. И как же ты бы «разобралась»?

— Это уже не твоё дело. Но раз уж вмешался... спасибо, — произнесла Ева, сверкнув глазами, но в голосе её не было ни капли благодарности — только холод, который, казалось, мог заморозить даже этот душный воздух клуба.

— Спасибо в карман не положишь, — процедил Лео, чуть склонив голову. В этом жесте было что-то хищное, почти насмешливое.

— Так что будешь исполнять всё, что я скажу.

— Что?! С чего это вдруг? — возмутилась Ева, чувствуя, как внутри закипает гнев, горячий и колющий, словно осколки стекла.

Она хотела возразить, но Лео лишь слегка приподнял бровь, будто заранее знал, что она не сможет ничего противопоставить. В этой спокойной уверенности было что-то обезоруживающее. Ева на секунду замерла, ощущая, как злость смешивается с беспомощностью, а потом, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, коротко кивнула:

— Хорошо.

— А что ты ему сказал? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но в нём всё равно проскользнула дрожь.

— Чтобы не трогал мою девушку, иначе сильно пожалеет, — ответил Лео так буднично, будто говорил о погоде или о том, какой сегодня день недели.

Ева приоткрыла рот от возмущения, потом резко закрыла, сжимая кулаки. Она хотела вспылить, выкрикнуть, что никакая она ему не девушка, что он не имеет права так распоряжаться, но слова застряли в горле — слишком уж уверенно и властно это прозвучало. И в этой уверенности было что-то, что заставляло её сомневаться: а вдруг он и правда считает её своей? Или это просто очередная игра?

Глава 2

- Дочка, к тебе гости! – крикнула снизу мама. В тот же миг на лестнице послышались шаги, которые сопровождались скрипом половиц и ступенек. Дверь распахнулась, и на пороге появился Лео.

- Тук-тук, можно войти? – спросил, он, прикрывая дверь.

- Ты уже вошел, - ответила Ева, не отрываясь от листов бумаги с рисунками.

- Справедливо, - кивнул Лео и подошел к девушке, которая хмуро глядела на портрет девушки. На ней было розовое шелковое платье и бледная кожа, глаза смеялись, а уголки пухлых губ, похожих на лепестки цветка, приподнимались в легкой счастливой улыбке. Парень внимательно вгляделся в рисунок, в памяти мелькнуло воспоминание, но не успел Лео понять, о чем оно, как оно исчезло.

- По факту, - пожала плечами Ева. Она оторвалась от бумаг и сложила в стопку разбросанные листки. Убрав их в ящик, она подняла глаза и посмотрела на Лео. – Чего тебе?

- Хочу, чтобы ты познакомила меня со своими родителями и представила меня как своего парня, ведь это правда, не так ли?

- И что дальше? – покачала головой Ева. – Попросишь переписать на тебя наследство? Я не игрушка и не вещь, Лео. Мной просто управлять нельзя.

Комната пахла ванилью и старой бумагой — мама недавно зажгла свечу с тёплым пряным ароматом, а на подоконнике всё ещё лежала стопка старых альбомов, которую Ева так и не убрала. Солнечный свет падал косо, через щель между шторами, и ложился на деревянный пол узкой полосой, выхватывая из полумрака пылинки, которые кружились в воздухе, будто крошечные планеты в своей собственной, никому не нужной солнечной системе. Письменный стол был завален карандашами, ластиками и мятыми листами — некоторые из них были скомканы, некоторые аккуратно сложены, а некоторые просто отброшены в сторону, словно Ева злилась на собственные руки, не сумевшие перенести на бумагу то, что стояло перед внутренним взором.

Лео замер, будто слова Евы ударили не в грудь, а прямо в рёбра — резко, на выдохе. Его челюсть чуть дрогнула, напряглась, и по тому, как он медленно сжал и разжал кулаки, Ева поняла, что попала в точку. Не в цель — именно в точку, в ту самую болевую точку, которую он так старательно прятал под слоями равнодушия и контроля. Но он быстро взял себя в руки — так быстро, что любой другой не заметил бы перемены. Но Ева не «любой другой». Она видела, как на долю секунды его взгляд потемнел, как морщинка у переносицы стала глубже, а потом исчезла, будто её никогда не было.

Парень отошёл к окну и прислонился плечом к раме, скрестив руки на груди. Жест защитный, и Ева это знала — сама делала так же, когда не хотела, чтобы кто-то подобрался

слишком близко. За окном раскинулся сад — старые яблони с потемневшими от времени стволами, кусты сирени, уже отцветшей, с бурыми шапками сухих соцветий, и дальняя ограда, увитая плющом, который к осени должен был стать багряным. Где-то в глубине сада пела птица — одна-единственная, упрямая, будто не замечала, что все остальные давно умолкли.

— Наследство, — повторил Лео, и в его голосе не было ни обиды, ни сарказма — только усталость, тихая и какая-то домашняя, которую Ева раньше у него не слышала. Он произнёс это слово так, будто пробовал его на вкус и находил горьким. — Ты серьёзно сейчас думаешь, что я ради этого?

Ева молчала. Она смотрела на его профиль, вырисованный солнечным светом: прямая линия носа, тёмная прядь, упавшая на лоб, и эта упрямая, почти жёсткая линия рта, которая, как она уже знала, могла смягчаться в те редкие мгновения, когда он забывал контролировать себя. Сердце стучало неровно, с перебоями, будто пыталось решить — злиться или сдаваться, и Ева злилась на него за то, что он заставлял её сердце вообще что-то решать.

Она отвернулась, будто её вдруг заинтересовал ящик стола, в котором только что спрятала рисунки. Пальцы легли на прохладную деревянную ручку, и Ева почувствовала, как под подушечками бьётся пульс — быстро, слишком быстро для человека, который хочет казаться спокойным. Рисунок, который она прятала, всё ещё стоял перед глазами: розовое

платье, смеющиеся глаза, губы, похожие на лепестки. Она не знала, кто эта девушка. Не помнила. Но что-то в лице казалось знакомым — не по чертам, а по ощущению, будто это лицо когда-то вызывало у неё чувство, которое она не могла назвать: не радость и не грусть, а что-то между, какое-то тёплое, выцветшее от времени тепло, как фотография, которую слишком долго держали на солнце.

— Я не думаю ничего, — наконец сказала Ева, и голос её прозвучал тише, чем она хотела. — Я просто не понимаю, зачем тебе это. Зачем тебе мои родители, зачем тебе... всё это. Ты пришёл ко мне домой, будто мы уже давно вместе, будто между нами что-то есть. А между нами ничего нет, Лео. Ничего, кроме одной вечеринки и того, что ты решил за меня, будто я твоя.

Она говорила и чувствовала, как с каждым словом голос крепнет, обретает ту самую уверенность, которую она так ценила в себе, — холодную, отточенную, непробиваемую. Но где-то под ним, под этим голосом, как подо льдом, текло другое — горячее, путаное, незнакомое, и Ева старалась не прислушиваться к этому потоку, потому что если прислушается, то всё рухнет.

Лео не ответил сразу. Он отошёл от окна и медленно прошёлся по комнате, и в его шагах была та же сдержанная, хищная грация, что и тогда, в клубе, когда он двигался сквозь толпу, будто она была водой, а он — камнем, который эта вода не могла сдвинуть. Его взгляд скользнул по книжной

полке — корешки книг, некоторые потёртые, некоторые совсем новые, — по акварели в рамке на стене, по плюшевому медведю, сидевшему на кровати и выглядевшему настолько неуместно в этой комнате серьёзной девушки, что Ева невольно покраснела, увидев, куда направлен его взгляд.

— Милый мишка, — заметил Лео, и в уголке его губ дрогнула усмешка — не злая, а почти тёплая, будто он увидел что-то, что заставило его на мгновение забыть о роли, которую сам себе назначил.

— Не меняй тему, — отрезала Ева, но краска на щеках стала ещё гуще, и она прокляла себя за то, что не убрала медведя в шкаф, как собиралась уже сто раз. Медведь был старый, с одной перешитой лапой и вытертым мехом на животе — мама подарила его на пятилетие, и Ева ни за что не признавалась бы вслух, что до сих пор спит с ним, когда ночью становится тревожно.

Лео остановился. Он стоял посреди её комнаты — чужой в этом пространстве цветов, акварелей и запаха ванили, слишком крупный, слишком тёмный, слишком настоящий, как тень, которая вдруг обрела плоть и отказывалась исчезать. Солнечный свет очерчивал его силуэт, и Ева заметила, что на его руках, на костяшках пальцев, видны бледные следы — старые ссадины, уже почти зажившие, но ещё заметные, как письмена на камне, которые время не до конца стёрло. Она видела эти руки в клубе — когда он впечатал Кира в стену, когда сжимал его ворот так, что ткань скрипела. Эти руки

ума лишали и защищали, и Ева не знала, чего от них ждать.

— Я не прошу наследство, — сказал Лео наконец, и его голос стал другим — не низким и не властным, а простым, будто он впервые за весь разговор снял маску и оказался обычным парнем, который стоит в комнате у девушки и не знает, как сказать что-то важное, не разрушив того хрупкого, что уже есть. — Я не прошу ничего, чего ты не готова дать. Я просто хочу, чтобы твои родители знали, кто я. Чтобы они видели моё лицо, слышали моё имя и знали: рядом с их дочерью есть кто-то. Не Кир. Не кто-то ещё. Я.

Он произнёс последнее слово с такой тихой силой, что Ева почувствовала, как что-то внутри дрогнуло — не сердце, а что-то глубже, какая-то струна, о существовании которой она раньше не подозревала. Она смотрела на него, и ей вдруг стало страшно — не от него, а от себя, от того, что часть её — та самая, горячая, незнакомая, — хотела кивнуть. Согласиться. Впустить.

Но другая часть, та, что холоднее и старше, та, что научилась не доверять красивым словам и ещё более красивым глазам, сжала эту струну и заглушила звук.

— Ты говоришь красиво, — сказала Ева, и в её голосе было что-то почти печальное, будто она жалела, что не может ему поверить. — Но красивые слова — это ещё не правда. Я не знаю тебя, Лео. Ты пришёл на вечеринку, влез в чужой конфликт, заявил, что я твоя, а теперь стоишь в моей комнате и просишь познакомить тебя с родителями. Ты не видишь

в этом ничего странного?

Лео опустил взгляд. Не отвёл — именно опустил, будто смотрел на что-то внутри себя, на то, что не показывал никому. Тень легла на его лицо, и в эту секунду он выглядел не королём тусовки, не холодным и недоступным, а уставшим. По-настоящему уставшим, так, как может уставать только человек, который слишком долго держит всё в руках и не позволяет себе ни на секунду разжать пальцы.

Внизу зазвенела посуда — мама готовила чай, и звук был таким домашним, таким обычным, что он разрушил напряжение, как камень — тонкий лёд на луже. Лео поднял голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку — не ту, которую он носил в клубе, уверенную и немного хищную, а другую, почти мальчишескую, растерянную.

— Чай? — спросил он, и в этом одном слове было столько несказанного, что Ева вдруг почувствовала, как злость начинает отступать, уступая место чему-то, чему она отказывалась давать имя.

Она вздохнула — длинно, медленно, будто выпускала вместе с воздухом всё, что накопилось за эти дни: клуб, Кира, хватку на запястье, шёпот Лео, который она не расслышала, и это «моя девушка», которое до сих пор горело где-то под рёбрами, как уголь, не потухший, а только прикрытый пеплом.

— Чай, — повторила она, и голос её прозвучал ровно, без колючек, без льда, а просто по-человечески, будто между ни-

ми не было ни клубного драматизма, ни споров о наследстве, ни медведя с перешитой лапой. — Пойдём. Но предупреждаю: мама будет спрашивать, кто ты, чем занимаешься и какие у тебя намерения. И если ты скажешь что-нибудь вроде «мы просто друзья», она тебе не поверит.

— А что ей сказать? — спросил Лео, и в его голосе снова проступила та спокойная уверенность, от которой Еве одновременно хотелось и слушать, и убежать.

Ева посмотрела на него — долго, внимательно, будто пыталась разглядеть что-то за этой уверенностью, за этим лицом, за этими тёмными глазами, которые в дневном свете казались не такими равнодушными, как в мерцании стробоскопа. В них что-то было — не наглость и не холод, а что-то более глубокое, спрятанное, как вода подо льдом, и Ева вдруг подумала, что, может быть, она всю эту вечность пытается сломать лёд, который на самом деле — окно, и за ним кто-то стучит, просясь внутрь.

— Скажешь правду, — ответила она после паузы, и голос её дрогнул — едва заметно, как лист на ветру, но Лео услышал, она это видела по тому, как его взгляд на мгновение стал мягче, будто он хотел протянуть руку и коснуться её, но не посмел.

— Какую именно? — тихо спросил он.

— Ту, в которую ты сам веришь, — сказала Ева и первой вышла из комнаты, чувствуя спиной его взгляд — горячий, внимательный, не отпускающий, как рука на запястье, толь-

ко теперь уже не чужая, не враждебная, а другая, от которой больно не потому, что она сжимает, а потому, что отпускает.

Лестница скрипела под их ногами — каждая ступенька по-своему, своим голосом, будто дом вёл с ними разговор, отдельный от того, что происходил наверху. Ева шла первой, касаясь рукой перил, отполированных до тёплого блеска многими ладонями, и думала о том, как странно всё сложилось: вчера она не знала его имени, а сегодня он спускается по её лестнице, чтобы выпить чая с её матерью. Жизнь иногда двигалась так быстро, что не успевала сложиться в понятную историю — она просто происходила, и оставалось лишь идти за ней, не отставая.

На кухне пахло корицей и мятой. Мама стояла у плиты, спиной к двери, и что-то помешивала в маленькой кастрюльке — по запаху это был тот самый мятный чай, который она заваривала только когда хотела создать ощущение уюта и уединения, будто дом — это не просто стены и крыша, а что-то большее, живое, дышащее. На столе, покрытом клетчатой скатертью, уже стояли чашки — белые, с золотой каймой, те, что доставали только для гостей, и Ева вдруг поняла, что мама знала. Знала или догадывалась, потому что чашек было три.

Мама обернулась. Она была невысокой, с мягкими чертами лица и тёмными волосами, собранными в небрежный пучок, из которого выбивались серебристые пряди — не от старости, а от того, что жизнь не жалела времени на то, что-

бы оставить свой след. Её глаза, такие же, как у Евы, только теплее и спокойнее, будто вода, которую слишком долго держали на медленном огне, скользнули по дочери, а потом — по Лео, и в этом взгляде было всё: и любопытство, и настороженность, и что-то ещё — материнское, безошибочное, то, что не требует слов, потому что читает по лицу, по жесту, по тому, как дочь стоит рядом с человеком, которого не знает, но уже почему-то не отталкивает.

— О, — сказала мама, и в этом коротком звуке уместилось целое предложение. Она вытерла руки о полотенце, расшитое мелкими цветами, и улыбнулась — открытой, тёплой улыбкой, в которой не было ни капли фальши. — Значит, это и есть тот самый Лео?

Ева приоткрыла рот. Она хотела спросить, откуда мама знает его имя, но тут же закрыла его, потому что поняла: конечно, знает. Аля. Подруга наверняка рассказала всё в красках, приукрасив и добавив от себя то, чего не было, — Аля умела превращать любой, даже самый серый вечер в кино с драмой и романтикой, и Ева мысленно пообещала себе при следующей встрече высказать подруге всё, что думает о её осведомительской деятельности.

— Здравствуйте, — сказал Лео, и голос его прозвучал так вежливо и ровно, что Ева на мгновение его не узнала. Перед ней стоял не тот Лео — не король тусовки, не парень, который впечатывал людей в стены, а кто-то другой, кто-то, кто знал, как звучать правильно, как улыбаться так, чтобы

взрослые люди расслаблялись и открывали дверь чуть шире. Это пугало Еву больше, чем любая его дерзость, потому что она понимала: если он может быть таким, значит, он умеет меняться, а тот, кто умеет меняться, — тот, кого невозможно предсказать.

— Здравствуй, садись, — мама кивнула на стул и поставила перед ним чашку. Пар поднялся белым столбом, и Лео обхватил её ладонями, будто грелся, будто в этом жесте было что-то для него необходимое — не чай, а тепло чужого дома, чужого присутствия, которого ему, видимо, давно не хватало. И Ева, наблюдая за ним из-под опущенных ресниц, вдруг подумала, что, может быть, за этой холодной маской, за этим контролем и властью, есть просто человек, который пришёл в чужой дом и держит чашку обеими руками, потому что не помнит, когда в последний раз кто-то наливал ему чай просто так, без причины, без выгоды, без расчёта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.